

УДК [94+338:911.3](571.5)“17/18”

Е. В. Комлева

«Народ молодой и здоровый»: русские поселенцы в Туруханском крае в конце XVIII — первой половине XIX века

В статье рассмотрено заселение русскими обширного Туруханского края в конце XVIII — первой половине XIX в. Анализ относящегося к данной области законодательства позволяет утверждать, что организация переселений в регион рассматривалась как одна из приоритетных задач по его хозяйственному освоению. Охарактеризованы динамика численности и категории водворявшихся там поселенцев, их быт и занятия. Выявлены трудности, с которыми приходилось сталкиваться прибывшим на новое место жительства людям: суровый климат, голод, болезни, нищета, высокая смертность. Показана исключительная роль государства в организации переселений, помощи поселенцам в обустройстве домашнего хозяйства и снабжении их продовольствием.

Ключевые слова: освоение Севера, Туруханский край, дореформенный период, колонизация, русские поселенцы, быт, занятия.

Освоение арктической зоны России всегда было связано с многочисленными трудностями и крупными финансовыми затратами. Один из примеров того, как происходила интеграция северных районов в экономическое и социокультурное пространство страны в дореформенный период, — колонизация обширного Туруханского края, расположенного в низовьях Енисея. Отсутствие надежного и дешевого транспортного сообщения, развитых транспортных связей с центральной Россией и Западной Европой долгое время затрудняли освоение этих земель. Огромная территория с суровым климатом и крайне малочисленным населением составляла предмет беспокойства властей не только как источник получения пушнины, но и как регион, нуждающийся в особых мерах по заселению и развитию. На озабоченность представителей администрации его состоянием указывают, в частности, такие сохранившиеся свидетельства современников, как «Замечания», позднее переработанные в книгу, первого томского гражданского губернатора В. С. Хвостова [23, л. 3—22 об.; 28, с. 33—66], отчет отправленного по поручению М. М. Сперанского с ревизией в Туруханск надворного советника Н. С. Осипова [12, с. 97—145]. Среди прочих сюжетов в этих документах настойчиво повторяется мысль о важном значении русских поселенцев, в том числе и сосланных за различные преступления, для развития Туруханского края и о необходимости, насколько это возможно, облегчить их бедственное существование. В данной статье рассматривается колонизация региона в конце XVIII — первой половине XIX в.: соответствующее законодательство, динамика численности и состав оказавшихся здесь русских поселенцев, их быт и занятия.

Несмотря на отсутствие в течение рассматриваемого периода долговременной государственной стратегии по комплексному развитию северо-востока России, правительство, тем не менее, периодически предпринимало шаги к оживлению жизни в труднодоступных районах — в первую очередь это относилось к важным в стратегическом отношении землям, а также к притрактовым территориям. Особое значение придавалось мерам по заселению русскими окраин страны, поскольку именно они должны были стать «этнодемографической основой государственной целостности» [14, с. 102]. После издания в 1806 г. «Положения для поселений в Сибири» [13, с. 395—407] устройство поселений в регионе «сделалось постоянным и довольно обширным занятием тамошнего начальства» [16, л. 1 об.]. Известны неоднократно предпринимавшиеся попытки орга-

© Комлева Е. В., 2017

низации переселений на север Тобольской губернии, Камчатку, Аляску, в Охотскую и Якутскую области [2, с. 74—75; 26, с. 133—136; 29, с. 205, 300].

Что касается Туруханского края, то, согласно V ревизии (1795 г.), русское население региона насчитывало 474 чел. (267 муж. и 207 жен. пола) — 7,2% от всех жителей. Более половины из этих людей находились в Туруханске, в разбросанных же на огромном удалении друг от друга селениях (станках) «население было очень слабое»: всего лишь 62 взрослых и 53 ребенка. К наиболее крупным населенным пунктам относились села: Монастырское (5 взрослых и 13 детей), Бахтинское (6 и 5), Инбатское (8 и 3), Алинское (4 и 2), Нижнеинбатское (4 и 1), Костинское (4 и 2), в остальных насчитывалось по 1—3 чел. [9, с. 142]. Между тем малочисленное население этих станков играло особую роль, связывая отдаленные районы, обеспечивая перевозку почты и «ездящих для сбора ясака и по другим делам» чиновников [15, л. 2].

Одним из шагов по освоению региона стала попытка организовать принудительное заселение низовьев Енисея русскими, поскольку ехать сюда добровольно желающих не находилось. По словам знаменитого енисейского «летописца» А. И. Кытманова, в 1810-х гг. как переселенцы из числа ссыльных, отправленных ранее в другие районы Сибири, впоследствии преимущественно пополнявшие ряды туруханских государственных крестьян, так и ссыльнопоселенцы, сразу приговоренные к водворению на жительство в Туруханский край, отправлялись туда «под конвоем енисейских казаков» [9, с. 182]. В 1830-х гг. «к населению Туруханского края» прибывало «каждогодно <...> по несколько человек ссыльных» [17, л. 4].

Хотя в источниках и литературе встречаются расхождения в данных о численности населения региона, можно констатировать, что на протяжении первой половины XIX в. число поселенцев в Туруханском крае постепенно возрастало (особенно начиная с 1820-х гг.). Если в конце XVIII в. от Туруханска вверх по Енисею проживало 88, вниз по Енисею — 97, вверх по Турухану — 10, «за тундрой» — 48 чел. мужского пола государственных крестьян [4, л. 73 об. — 74], то в 1806 г. в Туруханском уезде насчитывалось уже 569 крестьян, «расселенных на громадном пространстве зимовьями, численностью не свыше 6 человек в одном» [2, с. 85]. В 1821 г. в регионе проживало 242 чел. мужского пола мещан и крестьян [16, л. 10 об.], в начале 1830-х гг. — 675 чел. мужского пола и 574 чел. женского пола государственных и экономических крестьян [5, л. 3 об. — 4 об., 11—11 об.], в 1837 г. — 479 чел. мужского пола и 413 чел. женского пола государственных крестьян, а также 21 чел. мужского пола и 14 чел. женского пола экономических крестьян [9, с. 243]. Число находившихся в Туруханском крае ссыльнопоселенцев составляло: в начале XIX в. — 26 чел. [23, л. 8 об.], в начале 1830-х гг. — 501 чел. (302 мужчины и 199 женщин) [5, л. 3 об. — 4 об., 11—11 об.], в 1837 г. — 531 чел. (272 мужчины, 208 женщин и 51 ребенок) [9, с. 242—243].

Основной поток поселенцев в Туруханский край составляли ссыльные за мелкие уголовные преступления. Среди них были такие, как красноярские мещане «из числа посельщиков» — Козьма Яковлев, Алексей Богданов и Данил Иванов, в марте 1810 г. отправленные в Туруханск по распоряжению томского гражданского губернатора «за дурные поступки» [2, с. 78]. Какие именно правонарушения могли стоять за подобной формулировкой, видно на примере енисейских мещан Якова Колмогорова и Степана Кыштымова, в 1813 г. приговоренных к высылке на Север «за поправку в паспорте месяца и года». Другой енисейский мещанин Яков Тыжнов тогда же был осужден «за отлучку в округу без письменного вида» [9, с. 180].

Еще одна категория поселенцев — перемещенные в низовья Енисея старообрядцы и сектанты (скопцы, иконоборцы и духоборы). Первые подобные случаи фиксируются с

1820-х гг.: А. И. Кытманов упоминает, что в то время из Томской губернии в Туруханский край были переселены 50 икоборцев и 13 духоборов. Первые обосновались в деревне Мирной, куда, с разрешения властей, переехали также 5 икоборцев из Туруханска. Поселенцы получили 300 пудов хлеба из Инбатского казенного запасного хлебного магазина с двухлетней рассрочкой платежа; впоследствии они обязаны были нести все крестьянские повинности. В 1824 г. в Туруханском крае образовалось два поселка раскольников. В 1849 г. сюда были направлены еще 12 приверженцев старой веры. В 1839, 1848 и 1850 г. в регион ссылались скопцы [9, с. 210—211, 216, 249, 292, 307, 309]. Благодаря следованию строгим моральным принципам религиозным общинам удавалось быстро наладить быт и неплохо обустроиться на новом месте. Так, скопцы «были поселенцами, полезными для края, они служили образцом для местного населения своим хозяйственным бытом и улучшением рыболовства. Их дома, невода и проч[ее] выделялись своим хорошим устройством. Они лучше всех коптели так называемую “туруханскую сельдь”», были «хорошими хозяевами, хорошими рыбаками и немало сделали опытов по сельскому хозяйству» [9, с. 249, 292].

Говоря о людях, сославшихся в Туруханский край в первой половине XIX в., нельзя не упомянуть и декабристов — это Ф. П. Шаховской, Н. С. Бобрищев-Пушкин, С. И. Кривцов, И. Б. Аврамов, Н. Ф. Лисовский. Двое из них через некоторое время сошли с ума (Бобрищев-Пушкин и Шаховской) и были переведены в Енисейск. Наиболее заметную роль в хозяйственном освоении региона сыграли Н. Ф. Лисовский и И. Б. Аврамов, оказавшиеся в Туруханске после освобождения из Читинской тюрьмы. Прожив здесь до самой смерти, они занимались торговлей хлебом и рыбопромышленностью [9, с. 215, 216, 219, 220].

Несмотря на то что для поселения выбирался «народ молодой и здоровый», перед отправкой проходивший медицинское освидетельствование, «здоровы ли они и способны ли к поселению в крае» [9, с. 179—180], результат далеко не всегда оправдывал ожидания. Поселенцы сталкивались с целым рядом трудностей: суровым климатом, голодом, болезнями, нищетой. В крае периодически свирепствовали эпидемии, которые охватывали как аборигенное, так и русское население: в начале XIX в. — цинга [8, с. 56], в 1807 — корь [9, с. 168], в 1808, 1850—1852 гг. — оспа [9, с. 170, 309, 312; 20, л. 8 об.], в 1814, 1822, 1832—1833 гг. — «горячка» [9, с. 202, 227]. Подчас заболевания принимали катастрофические размеры, приводя к страшным опустошениям: в 1851—1852 гг. «из 1916 русских и инородцев, заболевших оспой, умерло 731. Некоторые зимовья совершенно опустели, и, где было 10—15 жителей, осталось 2, 3 и много 4» [9, с. 312].

Наряду с сообщениями о болезнях источники изобилуют упоминаниями о сильном голоде, который неоднократно охватывал Туруханский край: в 1810, 1811, 1813, 1814, 1845 г. В 1814 г. трупы истощенных людей «валялись не только по тундрам, но и в самом Туруханске. Стряпчий туруханский, сообщая об этом городничему, приложил к своей бумаге руку и голову человека, найденные им на улице» [9, с. 172, 176, 180—182, 283]. Ссылные, не имевшие «ничего, кроме скудной одежды, и будучи лишены всех средств к приобретению пособия от жителей по бедности их самих», неизбежно должны были «претерпеть голод» [17, л. 4].

Существенной преградой для успешного обустройства на новом месте можно считать и отсутствие навыков, необходимых для зверодобычи и рыбопромышленности, служивших основным источником как пищи, так и небольшого дохода, чтобы купить «хлеб и прочие надобности» [3, с. 297]. Помимо адаптации к климату нужно было «приспособить себя к трудам, в том месте особых упражнений требующим, по образу звероловства и рыбных промыслов и к роду жизни и занятиям, совершенно отличным и единственно

тому месту свойственным», для чего «потребно было немалое время и немалое терпение» [18, л. 16]. Привыкшие к занятию сельскохозяйственным трудом, поселенцы из крестьян сталкивались с невозможностью получить урожай на мерзлой туруханской почве. Не случайно автор очерка о Туруханском крае Ф. П. Шаховской считал, что поскольку «поселенцы сего края имеют для существования своего один промысел рыбной ловли», то «для отвращения нищеты и бедности лучше бы было присылать на жительство в Туруханский округ таких людей, которые в первом своем состоянии жили на реках и промыслили рыбою» [6, л. 14].

Определить, где именно следует основывать новое селение, было непросто: иногда предложенные поначалу места оказывались «неудобными и совершенно даже невозможными <...> для жительства и водворения». Тогда поселенческий смотритель с уездным землемером вновь отправлялись на поиски — «обозреть места за 300 верст выше Туруханска по реке Елогую от Нижнеинбацка», однако их усилия могли затянуться на год-другой [18, л. 17 об. — 18].

Вследствие всех трудностей, с которыми приходилось сталкиваться на новом месте, далеко не всем поселенцам удавалось продержаться даже несколько месяцев. Так, для прибывших в Туруханский край в 1812 г. первый же год «оказался несчастным: они не успели выстроить жилищ и приготовить достаточного количества корма для скота, поэтому скота лишились, и оставшийся в живых был съеден. Три-четыре поселенца замерзли во время поездки на соседние станки». В 1813 г. более половины переселенцев умерло, в 1814 г. «большинство устроилось плохо и вымирало», «очень бедственным» нашел положение переселенцев через несколько лет М. М. Сперанский [9, с. 178, 182].

Условия жизни на Севере были настолько тяжелыми, что без целенаправленной поддержки государством русского населения прогресс в заселении региона едва ли был возможен. «Рассеянные и малолюдные селения, кои в удаленных краях северных среди народов кочующих заведены для удобства сообщений с немалыми издержками и долготлетними попечениями правительства» [16, л. 9 об. — 10], требовали постоянной заботы. Сами поселенцы в 1841 г. «жаловались, что без вспомоществования им жить невозможно, что иначе они согласны бросить свои дома и идти на поселение или даже на каторгу» [9, с. 243]. По этой причине в конце XVIII — первой половине XIX в. им неоднократно предоставлялись льготы по исполнению рекрутской повинности и платежу налогов, выдавались пособия для обзаведения хозяйством. В 1782 г. было решено «не брать с туруханских жителей рекрут натурой, а взыскивать с них по 120 рублей за каждого рекрута». В 1807 г. на собрании депутатов в Томске для раскладки земских повинностей 569 крестьян Туруханского уезда получили от нее освобождение. В 1814 г. возросли суммы, ассигновавшиеся на содержание 33 почтовых станций, расположенных на Туруханском тракте: на каждую из них отныне полагалось отпускать не по 50, а по 75 руб. В 1817 г. жители Туруханского уезда взамен платежа земских повинностей должны были обеспечивать почтовую гоньбу [9, с. 131, 166, 182, 187]. В 1822 г. все «русские обыватели» ряда северных уездов, и в том числе Туруханского, освобождались «от исправления рекрутской повинности как натурой, так и деньгами», а в 1823 г. — и от платежа податей [29, с. 271, 275].

Наиболее подробно послабления для поселенцев Туруханского края оговаривались в высочайше утвержденном 30 июля 1811 г. мнении Государственного совета, согласно которому в регионе разрешались поселения «с пособиями от правительства... для усиления поселения зимовьев по р. Енисею» [2, с. 77—78; 29, с. 233, 235]. Поселенцам должно было выдаваться денежное пособие «на покупку лошадей или собак», предоставляться ссуда в 50 руб. для приобретения коровы и необходимых «в тамошнем домоводстве» ору-

дий (деньги нужно было вернуть в течение 15 лет). В первый год «на каждого поселенца и жену его без платежа и возврата» отпускалось по 6 четвертей муки и по пуду соли. Все они освобождались от платежа подушной подати на 6 лет, а от рекрутской повинности — навсегда. В этом же документе оговаривалось, что всем старожилам по Енисею и тракту на Таз прощались «все недоимки, по 1811 год накопившиеся, равно как и долг за хлеб в туруханские запасные магазины», а самих жителей полагалось «считать впредь в окладе единственно наличных людей, не обременяя их платежом за умерших или без вести пропавших» [15, л. 5—5 об.]. Поселенцам также предоставлялось исключительное право на ловлю рыбы и зверей в местах водворения. Наблюдать за их обустройством, сбором податей и почтовой гоньбой был назначен смотритель поселений Давыдов, в ведение которого перешли от Туруханского земского суда все русские поселенческие зимовья [9, с. 175].

В «Кытмановской летописи» красноречиво описываются события, относящиеся к 1812 г., когда вследствие упомянутого указа в Туруханский край направили 360 женатых человек (это число не подтверждается обнаруженными делопроизводственными документами — на самом деле поселенцев было меньше) из сосланных в Иркутскую губернию (по большей части из Боготольского и Краснореченского заводов) — «по 10 человек на 17 зимовьев до Туруханска и по 5 во вновь учрежденные зимовья от Туруханска до р. Таза, а остальных на зимовья от Туруханска до Толстаго Носа». Народ этот был «приплавлен» на двух больших судах и двух барках. В предложенных к заселению пунктах оставляли по несколько семей, при этом, по словам А. И. Кытманова, насильно женили неженатых, подыскивая им невест из числа ссыльных женщин «по назначению начальства», несогласных же обоюбого пола секли, «и брак все-таки устраивался», что привело к ужасным последствиям: «Жены убивали мужей, а мужья жен; были и такие, что убивали собственных детей» [9, с. 175]. Нам не удалось обнаружить какого бы то ни было подтверждения практики заключения насильственных браков и вызванных этим семейных конфликтов, хотя, несомненно, перевес мужчин над женщинами среди русских поселенцев Туруханского края сохранялся на протяжении всего рассматриваемого периода (в начале 1820-х гг. в Сибирь ежегодно ссылалось по 4—5 тыс. чел., но женщин в их числе «всегда не более десятой части» [16, л. 7]). По данным IX ревизии (1850 г.), в туруханских станках проживало: в Костинском — 11 мужчин без женщин, в Новоселовском — 10 мужчин и 2 женщины, в Пескинском — 9 и 1, в Нижнеинбатском — 12 и 2, в Верхнеинбатском — 15 и 9. В результате широкое распространение получили смешанные браки, когда «многим русским приходилось жениться на инородках» [9, с. 313].

Некоторые подробности о судьбе прибывших в Туруханский край в 1812 г. поселенцев можно узнать из дела, отложившегося в фондах Первого Сибирского комитета, — «Ведомости о числе поселенцев в Туруханском крае» за 1819 г., подписанной томским гражданским губернатором Д. В. Илличевским [18]. В этом документе говорится, что «всех поселенцев, отправленных с 1812-го по 1819 год, водворенных в 17-ти туруханских зимовьях было 141 мужеска пола, а ныне налицо имеется 113 душ, из коих 96 женатых, 16 холостых и 1 вдов, к числу коих и в настоящем году распорядено отправить 20-ть семей в те же зимовья. Сии водворенные в Туруханском крае поселенцы занимаются с весны рыбной ловлею и, приготовляя оную, продают приезжающим из Енисейска разным торговцам [рыбу], равно как и добываемого зверя, для чего позволено им отлучаться и в реку Нижнюю Тунгуску» [18, л. 16 об. — 17]. Для обустройства людей в туруханских зимовьях было единовременно выделено 22 тыс. руб., из которых до 1819 г. было израсходовано «на отправление их, покупку и доставку скота, заготовление конской упряжи, земледельческих инструментов, судов, лодок, снастей и прочих необходимых для посе-

ленцов потребностей 9772 руб. 66 коп.» [18, л. 5—5 об.], а также 9660 руб. на покупку хлеба [18, л. 15 об.].

Несмотря на неоднократные постановления о льготах для поселенцев, на практике они не всегда четко выполнялись. Так, хотя еще в 1811 г. туруханские жители освобождались как от «поставки в натуре рекрута, так и складочных денег» [15, л. 5 об.], в 1818 и 1819 г. «складочные рекрутские деньги» все же «были взысканы и поступили в казначейство» [12, с. 102]. В 1852 г. отправленные в Туруханский край по распоряжению енисейских губернских властей 16 человек «не были снабжены ни деньгами, ни одеждою, ни теми вещами и снарядами, посредством коих могли бы доставать себе пропитание, а потому, прибыв к месту назначения и находясь в весьма затруднительном положении, они, вместо ожидаемой от них пользы, обратились только в обременение краю и ближайшему начальству». Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, сделав выговор енисейским властям, признал нужным отпустить по 35 руб. серебром на каждого поселенца из экономического поселенческого капитала для закупки в Енисейске необходимых поселенцам вещей и орудий, а остатки денег раздать им «по рукам» [21, л. 2—3 об.].

Одна из наиболее остро стоявших проблем, связанных с организацией переселений в Туруханский край, заключалась в необходимости обеспечить местное население продовольствием, «без чего русская оседлость там была немыслима» [1, с. 76]. По словам В. А. Александрова, после ликвидации в 1764 г. монастырского хозяйства при туруханском Троицком мужском монастыре «не нашлось другой экономической силы, способной организовать снабжение русского населения» в регионе, что «повлияло на постепенное запустение промысловых зимовий» [1, с. 77]. Усилий частных лиц, занимавшихся поставками продуктов питания и промышленных изделий в низовья Енисея, оказывалось недостаточно. Из-за трудностей транспортировки доставленные товары продавались по очень высоким ценам, которые особенно поднимались в неблагоприятные для добычи зверя и рыбы годы, а также во время эпидемий. «Страшная дороговизна жизненных припасов» отмечалась в 1813—1815 гг. В 1814 г. пуд муки на р. Таз продавался по 10, в дер. Лебедевой — по 12—15, на Подкаменной Тунгуске — по 8 руб., в то время как в Енисейске он стоил всего 30—50 коп. [9, с. 180, 181—182, 184].

Главной мерой, направленной на борьбу с голодом, стала организация на рубеже XVIII—XIX вв. разветвленной сети казенных запасных хлебных магазинов. Как удалось установить Н. С. Осипову, два главных казенных запасных хлебных магазина в Туруханском крае появились уже в конце XVIII в.: около 1787 г. — в Туруханске, а в 1789 г. — в Верхнеинбатске. Первый из них находился в ведении городничего, по распоряжению которого производились прием и отпуск хлеба в самом Туруханске; поставки хлеба в уезд до 1813 г. зависели от решения земского суда, затем были переданы под контроль городничего и земского исправника. В конце 1810-х гг. из Туруханского магазина хлеб поставлялся в 18 окружных магазинов и «сугланных мест» (мест сбора инородцев для сдачи ясака. — *Е. К.*). За Верхнеинбатский запасной магазин до 1812 г. отвечал Туруханский земский суд, позже — специальный смотритель. С 1818 г. началась отправка из него хлеба по 14 зимовьям, расположенным от с. Верхнеинбатского до устья р. Нижней Тунгуски [12, с. 105, 110—111, 113].

Согласно принятому в 1822 г. «Положению о казенных хлебных магазинах», в Туруханском крае «для бродячих инородцев» оставались два складочных магазина (в Туруханске и Верхнеинбатском) и учреждались 45 к ним приписанных в других населенных пунктах [9, с. 206]. Несмотря на то что магазины предназначались в первую очередь для помощи инородцам, русские также активно пользовались возможностью приобрести

хлеб, причем не только самые бедные из них, но и те, «которые могли бы приобретать пропитание трудами» [12, с. 105].

В неудачные для добычи рыбы и пушных зверей годы казенные запасные хлебные магазины оставались основным источником продовольствия жителей Туруханского края («количество партикулярного [хлеба] весьма незначительно противу казенного» [12, с. 104]): без достаточных поставок хлеба «повсеместно такой был вред», что «поселенцы, близ города живущие, доведены были до крайности есть кору древесную, упалой скот и проч[ее], что только могли придумать и найти к своему спасению», да и «сами городские жители терпели крайнее изнурение и бедствие» [12, с. 105]. Однако в деятельности этих учреждений отмечалось множество недостатков: работавшие в них вахтеры из числа туруханских казаков «обвешивали и обсчитывали население» [9, с. 181—182], при ревизии же магазинов в 1851 г. оказалось, что «множество людей, на которых записаны ссуды, даже не существовали на свете» [9, с. 313]. Кроме того, за жителями, бравшими казенный хлеб в долг, год от года накапливались недоимки, однако отказать в безденежном отпуске продовольствия означало обречь население на голод. В 1834 г. Первый Сибирский комитет, учитывая невозможность «избежать и отпуская хлеба в долг обитателям отдаленного и дикого края, не имеющего хлебопашества и подверженного иногда бедствиям голода при малом улове зверя и рыбы», принял решение «на сложение с обитателей Туруханского края десятилетнего за хлеб долга 93 546 руб. 94 $\frac{1}{4}$ коп. <...> по совершенной безнадежности взыскания оных» [19, л. 12—12 об.].

Для закрепления русского населения на Севере и решения вопроса о его снабжении предпринимались неоднократные попытки завести в низовьях Енисея хлебопашество [8]. В 1819 г. томский гражданский губернатор доносил: «Хотя не один год предприимлем был опыт, чтобы завести там хлебопашество, но хлеб не мог поспевать и, потому как тщетно употреблены были труды, то ныне, кроме разведения картофеля и огородных некоторых овощей и большею частию капусты, ничего другого не бывает» [18, л. 17]. Однако эксперименты не были заброшены: в отчете енисейского гражданского губернатора за 1851 г. говорилось, что «вследствие донесения туруханского отдельного заседателя начальник губернии выписал к 1850 году для Туруханского края ячменя до 20 пуд. и несколько семян картофеля, которые посеяны в 1851 году в Верхнеинбатском участке и начинают разводиться с достаточным успехом» [20, л. 18 об.].

Большую роль в сельскохозяйственных опытах играла инициатива частных лиц. Уже упоминавшийся декабрист Ф. П. Шаховской пытался развести в Туруханске картофель и другие овощи, «чего не было раньше», он же «распахал полдесятины для опытного посева озимого хлеба» [9, с. 215—216]. Опыты Ф. П. Шаховского вызвали интерес у Николая I, который поручил узнать, «не нужны ли ему какие денежные пособия для распространения разведения картофеля» (цит. по: [10, с. 96]). В 1850-х гг. на станке Нижнеинбатском скопцы выращивали капусту, картофель, редьку, огурцы и ячмень, а в северном зимовье Хантайском одному из них удалось вырастить капусту, но «только не вилками, а в листьях», мелкий картофель, редьку и репу [9, с. 292].

Помимо хлеба основными источниками как пищи, так и дохода для русских поселенцев служили звериный и рыбный промыслы, заключавшие «в себе все естественные богатства Туруханского края» [24, л. 20]. Однако уже к XVIII в. нещадное истребление соболя и отсутствие каких-либо природоохранных мер привело к уменьшению добычи пушнины [11, с. 47]. Впрочем, еще в 1812—1818 гг. в крае добывалось от 6 до 9 тыс. соболей в год, а местные жители неоднократно наталкивались на ценных зверьков даже во дворах и били их палками, но с конца 1810-х гг. соболь начал исчезать, и в 1860-х гг. во всем Туруханском крае его добыча составляла лишь около 250 штук в год

[27, с. 271—272]. Сокращение поголовья пушных зверей, а также отсутствие необходимых для успешной охоты навыков обуславливали то, что звериными промыслами в основном были связаны «инородцы, промышленников из русских, в сравнении с инородцами, весьма мало» [25, л. 20 об.]. В отличие от зверободычи ловлей рыбы занимались все русские поселенцы — иначе было просто не выжить. В «Обозрении государственных имуществ Енисейской губернии» за 1841 г. говорилось, что в «Туруханском крае, сверх обеспечения в продовольствии ловится рыб на тысячные суммы. В Туруханск приплывают водою по Енисею покупатели. По закупе солят рыбу, укупоривают в бочки и посредством бичевой достигают в Енисейск. Это бывает в сентябре и октябре. Там готовят сушеную рыбу и для корма собак» [22, л. 37 об.].

Сохранился ряд интересных свидетельств, позволяющих получить представление о быте и характере русских поселенцев в Туруханском крае. Одно из них относится к началу XIX в. и принадлежит первому томскому гражданскому губернатору В. С. Хвостову: «...Енисей тут делается большою дорогою, по коей учреждены станции. На каждой таковой поделаны зимовья поселщикам на поселение, по приговорам судебных мест осужденных. Без хлебопашества, без казенной помощи, одним рыбным промыслом, сии несчастные должны не токмо скудно питаться, но платить подушную подать и отправлять некоторую повинность, возя на собаках и летом на себе в лодке без платежа когда-либо прогонов, на что хотя б хлеб купить могли» [23, л. 5 об. — 6]. Иногда все же можно было подработать, нанимаясь к богатым енисейским купцам или выполняя казенные подряды, как, например, крестьянин Копылов, который в 1818 г. изготавливал нарты по 7 руб. для перевозки казенного хлеба на р. Таз и озеро Ессей [9, с. 189].

В оптимистичном тоне выдержано написанное в 1819 г. донесение другого томского губернатора — Д. В. Илличевского: «Старания и внимание на сие Туруханское поселение и употребленные по многим отношениям довольные труды приводят оное в предположенное и ожидаемое состояние; ибо ныне в каждом зимовье находится с старожилками близко 10-ти семей, обзаведшихся изрядным по тому месту и достаточным хозяйством, а домов новых построено прочных и выгодных в ином зимовье 6-ть, в ином 5-ть, а инде 4. Между тем же во всех прочих выстраиваются из приготовленного леса так, что ныне пять зимовьев, которые побольше имеют домов и строения, представляются небольшими деревнями, а по Туруханскому краю значительными поселениями, и проезжающие изыясняются, что они находят довольно порядочное пристанище; имеются там ныне выгоды и удобства, каковых прежде не находили» [18, л. 16—16 об.].

Посетивший Туруханский край в конце 1840-х гг. штаб-офицер И. П. Корнилов сообщал: «В туруханских зимовьях бывает не более 4 или 5 изб. Избы маленькие, как будки, так что трудно понять, как в них могут помещаться большие семейства» [25, л. 1]. Поселенцы держали скот («большая часть жителей воспитывают каждая семья по одной, редко по две и по три коровы для собственного обихода» [24, л. 19 об.]), занимались птицеводством (били лебедей и гусей), охотой на пушных зверей и рыболовством. В отчете о состоянии Туруханского отделения за 1832 г. сообщалось, что на всех жителей региона (русских и инородцев) приходилось 100 голов «разного скота», в том числе 40 коров и 60 лошадей (олени не учитывались) [5, л. 11 об.]. Отощав «как доска» за зиму, туруханские «коровы и лошади <...> в месяц оправляются» на сочной «кормной» траве, показывавшейся в августе, а к сентябрю достигавшей роста человека. Туруханские коровы «прекрасные; одна дает столько молока — густого, но не сливки, — сколько в Енисейске три». Обязательно были при доме и собаки («кормят их хорошо, рыбою»), незаменимые для зимних разездов «по гладкому льду» [25, л. 1—1 об.]. Говоря о нравах туруханцев, И. П. Корнилов отмечал: «Народ чрезвычайно ленив; зимою они ничем не занимаются, а летом

занятия их — рыбная ловля, звериная охота и сенокос <...> Туруханец встает к сенокосу поздно, в 9-ть ч[асов] утра, выпьет полштофа водки, часок закусит и на работу выходит в 11—12 часов; так что сена у них на всю зиму не хватает». Возможно, виной тому был туруханский климат, располагавший «к сну; кто не приобькает, тот получает лихорадку и цынгуну» [25, л. 1—1 об.]. Думается, что кроме лени характерной чертой жизни русского населения Туруханского края, разбросанного на огромной территории, можно считать и взаимное доверие: крестьяне отдавали причитающиеся с них подати для доставки в земский суд «и сотскому, и чиновнику, и купцу, и крестьянину; словом, пользуясь оказиею, тому, кто только едет в город». Правда, случалось, что «принимающие для доставления умрут или употребят вверенное им на собственные надобности, а от сего остаются оные в недоимке и плательщик подвергается взысканию вновь» [12, с. 102—103].

Несмотря на различные оценки уровня жизни населения рассматриваемого региона, очевидно, что усилия, которые предпринимались для его заселения и освоения, не приносили ожидаемых результатов. Недаром в 1852 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев выразил сомнение в целесообразности бесплодных усилий по заселению края и предложил «впредь на усиление почтовых станций в Туруханском крае поселенцев уже не посылать, так как вопрос о том, не излишне ли и самое существование этих станций подлежит еще рассмотрению» [21, л. 3 об.]. Бедственное положение жителей констатировал в начале 1850-х гг. и енисейский купец А. А. Кобычев: «Столь велика крайность в настоящее время большей части жителей Туруханского края, так что, если б даже сложили с них и всю недоимку, они все-таки не могли бы, без постороннего пособия, сами собою, поддерживать быт свой» [7, с. 15].

Таким образом, в течение конца XVIII — первой половины XIX в. основой колонизации русскими низовьев Енисея стало принудительное водворение сюда ссыльнопоселенцев: мелких правонарушителей, ссыльных по религиозным и политическим соображениям. Тяжелые условия жизни в суровых климатических условиях усугублялись частыми вспышками инфекционных болезней, голодом и отсутствием необходимых для успешного занятия охотой и рыболовством навыков. С целью поддержки русского населения региона правительство неоднократно принимало решения о введении на его территории различных льгот по поставке рекрутов, уплате податей, несению повинностей. Однако эти постановления не всегда последовательно выполнялись местными властями. В решении проблемы снабжения жителей продовольствием важная роль отводилась казенным запасным хлебным магазинам, но и в их деятельности отмечался целый ряд существенных недостатков. Предпринимались также неоднократные, но не принесшие ощутимых результатов попытки завести хлебопашество и овощеводство. В целом, несмотря на постепенный рост численности русского населения Туруханского края, к середине XIX века задачи по его заселению и хозяйственному освоению так и не были решены.

Статья подготовлена в рамках работы по проекту РФФИ № 16-11-24009 а(р) «Туруханский край: освоение и изучение в конце XVIII — начале XX в.» при финансовой поддержке краевого государственного автономного учреждения «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности».

Список использованных источников и литературы

1. Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М. : Наука, 1964. 304 с.
2. Андриевич В. К. Сибирь в XIX столетии. Ч. 2 (Период с 1808 по 1819 г.). СПб. : Типография и литография В. В. Комарова, 1889. 425 с.
3. Баккаревич М. Н. Статистическое обозрение Сибири. СПб. : Типография Шнора, 1810. 384 с.

4. Государственный архив Костромской области. Ф. 655. Оп. 2. Д. 252.
5. Государственный архив Красноярского края. Ф. 117. Оп. 1. Д. 598.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 635. Оп. 1. Д. 47.
7. Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб. : Типография В. Безобразова и комп., 1865. 259 с.
8. Крутовский В. М. Очерки Туруханского края. Попытки хлебопашества в Туруханском крае // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск : Типография Епархиального братства, 1898. Вып. 9. С. 53—68.
9. Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594—1893 год. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. 888 с.
10. Мирзоян Е. В. Сибирская и кавказская ссылка декабристов: опыт сравнительного исследования (1826—1856 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. 240 с.
11. Павлов П. Н. Географическое размещение русского населения в Енисейском крае в эпоху феодализма (XVII — первая половина XIX в.) // Красноярский край (материалы по географии). Красноярск : [Б. и.], 1965. С. 43—61.
12. Прутенко С. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским Учреждением 1822 г., в строе управления русского государства. С.-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1899. 532 с.
13. ПСЗРИ. Т. XXIX. № 22189.
14. Ремнев А. В. Еще раз о месте Сибири в составе Российской империи // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX — начало XX в.) : материалы междунар. науч. конф. Новосибирск : ИИ СО РАН, 2002. С. 100—105.
15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1149. Оп. 3. Д. 77.
16. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 483.
17. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 534.
18. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 482.
19. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 521.
20. РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 90.
21. РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 37.
22. РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 69.
23. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 110.
24. РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 1005.
25. РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 266.
26. Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. М. : Наука, 1978. 258 с.
27. Третьяков П. И. Туруханский край, его природа и жители. СПб. : Типография В. Безобразова, 1871. 316 с.
28. Хвостов В. С. О Томской губернии и о населении большой Сибирской дороги, до Иркутской границы. СПб. : Императорская Академия наук, 1809. 107 с.
29. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032—1882 гг. Сургут : Северный дом, 1993. 463 с.

Поступила в редакцию 19.06.2017

Комлева Евгения Владиславовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, Академгородок, ул. Николаева, 8
E-mail: feodal@history.nsc.ru

UDC [94+338:911.3](571.5)“17/18”

E. V. Komleva

“People young and healthy”: Russian settlers in the Turukhansk region in late 18th — first half of the 19th century

The article describes the process of Russian colonization of the vast Turukhansk territory located in the North-Central Siberia in late 18th — first half of the 19th century. The analysis related to the legislation linked with this sphere has shown that the settlement of the region was regarded by authorities as one of the priority tasks for its economic development. The dynamics and groups of Russian settlers, their daily life and activities have been characterized. The difficulties, which new residents had to face, have been identified. Among them there were the harsh climate, hunger, diseases, poverty, high mortality rate. The exceptional role of the state in the organization of relocations, the support of the settlers and supply them with food has been demonstrated.

Key words: development of the North, Turukhansk region, pre-reform period, colonization, Russian settlers, way of life, occupations.

Komleva Evgeniya Vladislavovna, Candidate of Historical Sciences, Senior researcher
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Russian Federation, 630090, Novosibirsk, Akademgorodok, ul. Nikolaeva, 8
E-mail: feodal@history.nsc.ru

References

1. Aleksandrov V. A. *Russkoe naselenie Sibiri XVII — nachala XVIII v. (Eniseiskii krai)* [Russian population of Siberia XVII — early XVIII century. (The Yenisei Region)]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 304 p. (In Russian)
2. Andrievich V. K. *Sibir' v XIX stoletii. Ch. 2 (Period s 1808 po 1819 g.)* [Siberia in the XIX century. Part 2 (Period from 1808 to 1819)]. St. Petersburg, Tipografiya i litografiya V. V. Komarova Publ., 1889. 425 p. (In Russian)
3. Bakkarevich M. N. *Statisticheskoe obozrenie Sibiri* [Statistical review of Siberia]. St. Petersburg, Tipografiya Shnora Publ., 1810. 384 p. (In Russian)
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Kostromskoi oblasti* [State Archives of the Kostroma Region]. F. 655. Op. 2. D. 252.
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja* [State Archives of the Krasnoyarsk Territory]. F. 117. Op. 1. D. 598.
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archives of the Russian Federation]. F. 635. Op. 1. D. 47.
7. Krivoshapkin M. F. *Eniseiskii okrug i ego zhizn'* [Eniseysky district and its life]. St. Petersburg, Tipografiya V. Bezobrazova i komp. Publ., 1865. 259 p. (In Russian)
8. Krutovskii V. M. *Ocherki Turukhanskogo kraja. Popytki khlebopashestva v Turukhanskom krae* [Essays of the Turukhansk region. Attempts of arable farming in the Turukhansk region]. *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya* [Yearbook of the Tobolsk provincial museum]. Tobol'sk, Tipografiya Eparkhial'nogo bratstva Publ., 1898, is. 9, pp. 53—68. (In Russian)
9. Kytmanov A. I. *Kratkaya letopis' Eniseiskogo uezda i Turukhanskogo kraja Eniseiskoi gubernii. 1594—1893 god* [A short chronicle of the Yenisei district and the Turukhansk region of the Yenisei province. 1594—1893 year]. Krasnoyarsk, Sib. feder. un-t Publ., 2016. 888 p. (In Russian)
10. Mirzoyan E. V. *Sibirskaya i kavkazskaya ssylka dekabristov: opyt sravnitel'nogo issledovaniya (1826—1856 gg.): dis. ... kand. ist. nauk* [Siberian and Caucasian exile of Decembrists: the experience of comparative research (1826—1856 gg.). Cand. Dis.]. Novosibirsk, 2002. 240 p. (In Russian)
11. Pavlov P. N. *Geograficheskoe razmeshchenie russkogo naseleniya v Eniseiskom krae v epokhu feodalizma (XVII — pervaya polovina XIX v.)* [Geographical location of the Russian population in the Yenisei region in the era of feudalism (XVII — first half of the XIX century)]. *Krasnoyarskii krai (materialy po geografii)* [Krasnoyarsk Territory (materials on geography)]. Krasnoyarsk, [Without publishing], 1965, pp. 43—61. (In Russian)
12. Prutchenko S. *Sibirskie okrainy. Oblastnye ustanovleniya, svyazannye s Sibirskim Uchrezhdeniem 1822 g., v stroe upravleniya russkogo gosudarstva* [The Siberian outskirts. Regional institutions associated with

the Siberian Institution in 1822, in the system of governance of the Russian state]. St. Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina Publ., 1899. 532 p. (In Russian)

13. PSZRI. Vol. XXIX, no. 22189.

14. Remnev A. V. Eshche raz o meste Sibiri v sostave Rossiiskoi imperii [Once again about the place of Siberia in the Russian Empire]. *Sibir' na etape stanovleniya industrial'nogo obshchestva v Rossii (XIX — nachalo XX v.): materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Siberia at the stage of formation of an industrial society in Russia (XIX — early XX century.): proceed. of the internat. sci. conf.]. Novosibirsk, II SO RAN Publ., 2002, pp. 100—105. (In Russian)

15. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archives] (RGIA). F. 1149. Op. 3. D. 77.

16. RGIA. F. 1264. Op. 1. D. 483.

17. RGIA. F. 1264. Op. 1. D. 534.

18. RGIA. F. 1264. Op. 1. D. 482.

19. RGIA. F. 1264. Op. 1. D. 521.

20. RGIA. F. 1265. Op. 1. D. 90.

21. RGIA. F. 1265. Op. 1. D. 37.

22. RGIA. F. 1265. Op. 1. D. 69.

23. RGIA. F. 1286. Op. 1. D. 110.

24. RGIA. F. 970. Op. 1. D. 1005.

25. RGIA. F. 970. Op. 1. D. 266.

26. Safronov F. G. *Russkie na severo-vostoke Azii v XVII — seredine XIX v.* [Russian in the northeast of Asia in the XVII — the middle of the XIX century]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 258 p. (In Russian)

27. Tret'yakov P. I. *Turukhanskii kraj, ego priroda i zhiteli* [Turukhansk region, its nature and inhabitants]. St. Petersburg, Tipografiya V. Bezobrazova Publ., 1871. 316 p. (In Russian)

28. Khvostov V. S. *O Tomskoi gubernii i o naselenii bol'shoi Sibirskoi dorogi, do Irkutskoi granitsy* [About the Tomsk province and the population of the large Siberian road, to the Irkutsk border]. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1809. 107 p. (In Russian)

29. Shcheglov I. V. *Khronologicheskii perechen' vazhneishikh dannykh iz istorii Sibiri: 1032—1882 gg.* [Chronological list of the most important data from the history of Siberia: 1032—1882]. Surgut, Severnyi dom Publ., 1993. 463 p. (In Russian)